

Интервью с Игорем Вениаминовичем ЗАДОРНЫМ

«В отношении к работе моя профессиональная позиция всегда была сильнее гражданской»

Задорин И. В. — окончил факультет управления и прикладной математики МФТИ (1982 г.), аспирантура Института социологических исследований АН СССР (1991 г.); Генеральный директор ООО «Фирма «АДАПТ», Председатель Правления АНО «Социологическая мастерская Задорина», Исполнительный директор Международного исследовательского агентства «Евразийский монитор», с.н.с. Института социологии РАН. Основные области научного интереса: социология политики, социология гражданского общества, социальное прогнозирование.

Интервью состоялось: май 2014 — декабрь 2015 г.

Сейчас — середина февраля 2016 года, а началось интервью с Игорем Вениаминовичем Задорным 16 мая 2014 года, без малого два года назад. Правда, это не означает, что все это время мы вели беседу: во-первых, у нас были значительные перерывы в общении, это даже отмечено в тексте интервью; и, во-вторых, нашу работу мы закончили 6 декабря 2015 года.

Начало нашей беседы отмечено упоминанием того, что 16 мая — «Международный день биографа», в этот день рекомендуется вспоминать детали своей жизни и начинать составлять автобиографию. То, что я написал сейчас, вряд ли известно Игорю Задорину, я и сам об этом узнал лишь недавно, но именно в духе этого совета он и завершил наше интервью словами, обращенными ко мне: «Я очень благодарен Вам за предоставленную возможность иногда подумать про себя и свою жизнь. Конечно, разумный и образованный человек обязательно должен периодически останавливаться и рефлексировать, оценивать сделанное и прожитое, но на практике это же далеко не всегда получается, все бежим, спешим, суетимся... Такие процедуры, как Ваши интервью, заставляют взглянуть на себя как бы со стороны, оценить, что сделал, чего добился, что не получилось. Сделать выводы и обобщения. Причем честно для себя и понятно для стороннего наблюдателя. Ведь очень много интересного было в жизни, рассказывать можно долго, но наверное надо сказать что-то главное, про самое важное и поучительное для других».

Кому-то наш разговор может показаться долгим, он, действительно, не был спешным, но время — функция обсуждаемой темы и всего того контекста, в котором протекала беседа. Быстрее было невозможно, а значит — и не надо было. Главный результат нашей беседы я вижу в том, что к уже имеющимся 135 интервью российских социологов добавилось еще одно и что история становления и развития нашей науки стала еще полнее. Одновременно полнее, красочнее стал и сводный портрет нашего сообщества.

Более десяти лет назад я поместил в центр моего историко-социологического проекта социолога, его жизнь и деятельность. И постулировал, что история должна быть многолюдной и писаться многими авторами. Одно могу сказать, без воспоминаний Игоря Задорина наша история была бы беднее, менее полной...

Задорин И. В.: «В отношении к работе моя профессиональная позиция всегда была сильнее гражданской»

Игорь, мы начинаем наш биографический разговор в особый момент, сегодня – 16 мая 2014 г. – «Международный день биографа». Поэтому прежде всего спрошу, не знаете ли Вы историю вашей фамилии. Она – не редкость, но и не относится к распространенным. Кто у Вас в роду был «Задорой»? И, пожалуйста, расскажите о родителях, может быть, если знаете, о более давнем прошлом Вашей семьи.

Конечно, я интересовался своим происхождением и историей своей семьи, это очень естественно для любого человека, в котором есть хоть немного любопытства, тем более для человека, который сделал своей профессией «исследования». Судя по тому, что пишут в разных ономастических книжках, «фамилия Задорин образована от прозвища Задора, которое восходит к нарицательному «задор» со значением «горячность, пыл, страстность, пафос, иногда с оттенком запальчивости, вызывающего тона или поведения вообще» (цит.). Вообще, раньше это на меня было весьма похоже.

Фамилия на самом деле довольно распространенная на Урале, откуда мои предки по отцу – уральские казаки (интернет дает много ссылок на книги памяти уральских населенных пунктов и упоминает репрессированных священников с фамилией Задорин). Прапрадеды – типичные «пахари», зажиточные крестьяне, по советской классификации – кулаки, по семейным преданиям даже поставлявшие до революции хлеб за границу. Помню еще рассказы своего прадеда Луки Прокопича [Игнатова], как он молодым парнем призывался на «германскую» и должен был явиться на призывной пункт со своим конем и шашкой. Судьба такой семьи очевидна: в 29-м раскулачивание, часть родни переехала «с земли» в Челябинск (где родился отец), часть сгинула в ссылке в Тобольске, часть успела бежать на Алтай, потом в Новосибирск, где остановился в конце концов прадед, и куда перебралась из Челябинска семья отца. Жизнь отца тоже типична для того времени: безотцовщина (дед погиб в 41-м на фронте, бабушка воспитывала троих детей одна), поступление в летное училище, потом окончательное профессиональное распределение – офицер войск ПВО.

По маминой линии я знаю родословную даже чуть глубже – с прапрапрадеда Андрея, «сосланного барином на поселение» (цитирую бабушку) в село Васильево Тамбовской губернии. По этой линии все предки – свободные ремесленники – скорняки, сапожники... Все из деревни или уездных городков (Моршанск, Шацк, Сасово). И все старообрядцы. Собственно и я крещен в младенчестве, как полагается для маминой родни, в Древлеправославной Поморской церкви, и детские воспоминания от дома дедушки и бабушки во многом связаны с его религиозным духом. Семья мамы, естественно, тоже испытала всё, что полагалось испытать единоличникам, да еще и верующим. И «забирали», и наказывали «за сбор колосков», двое старших маминых братьев погибли на фронте, один умер от малярии, дед закончил войну в Германии (когда его призвали в 42-м, ему

было уже 45 лет), вместе с бабушкой они вырастили шестерых детей. Мама окончила фельдшерско-акушерский техникум в Моршанске и большую часть жизни проработала в различных здравпунктах и поликлиниках.

Так что формально происхождение у меня, как писалось ранее в анкетах, «из семьи служащих», но корни, конечно, скорее «крестьянские» и «ремесленные». Если мой сегодняшний статус и можно (с натяжкой, наверное) назвать интеллигенцией, то интеллигент я в первом поколении, и остро чувствую в себе простого мастерового человека — свободного единоличника и самоучку. Кстати, хотя сам я в деревне никогда не жил (если не считать детских приездов на лето к бабушке в сельский райцентр Рязанской области), но почему-то очень люблю лошадей и просто млею от вида зрелых пшеничных полей. Наверное, это генетическая память...

Просто дух захватывает, как это все сохранилось в памяти Вашей семьи... удивительно... Вы москвич по рождению? Где заканчивали школу?

Да, ну что Вы, какой москвич... Я же говорю — «из семьи военнослужащего», значит, в раннем детстве естественно поездил по городкам и весям. Родился в Ельце Липецкой области 6 ноября 1958, потом в самом начале 60-х семья 3,5 года жила в Афганистане (в Баграме), куда направили отца работать военным советником, потом переехали в Ярославль, где и прошли мои уже осознанные детство и юность с 7 до 17 лет. В 1976 году окончил математическую школу (у нас очень хороший класс был, до сих пор регулярно встречаемся) и поступил в МФТИ. Надо сказать, что до 8-го класса включительно я совершенно однозначно видел себя где-то в области естественных наук — то география увлекала, то биология, то совершенно точно собирался стать астрономом (даже в специальном кружке занимался, на звезды в телескоп смотрел). И только в старших классах что-то изменилось... Уже почти окончательно решил поступать на экономический факультет в ЯГУ. Но товарищи уговорили попробовать в июле съездить на физтех (нам пришли оттуда приглашения после математической олимпиады): «там есть факультет, на котором тоже изучается экономика и управление, не поступишь там, в августе спокойно вернешься на экономфак в Ярославль». Поехал, попробовал, получилось. И это наверное самый звездный билет, который я вытянул за свою жизнь. Моей alma mater стал Факультет управления и прикладной математики МФТИ. И, пожалуй, ничто так не сказалось на моей личности и судьбе как учеба в физтехе. Это во мне навсегда. Конечно, ни на какую экономику я тогда не попал, а «управление» — оказалось «системами автоматического управления» (САУ) вполне определенных «изделий» (моей базовой кафедрой стало ЦКБ «Алмаз», а это всем известные сейчас С-300 и С-400), но я ни в коем случае об этом не жалею.

Бывало, что военнослужащих судьба забрасывала в Москву. Похоже, Вас хорошо учили, а Вы хорошо учились, если без особой задумки с первого раза поступили в МФТИ. Но меня сейчас интересует, почему, чем Вас интересовала экономика.

Если честно, то я уже не помню, как произошел этот поворот от звезд к терниям — от астрономии к обществоведению, как это тогда называлось (и, кстати, от круглого отличника к шалопаю-хорошисту). Но поворот был устойчивым.

У меня по жизни были знакомые, окончившие МФТИ, да и я сам закончил мат-мех ЛГУ, так что могу представить вольный дух обучения, прямые контакты с профессорами, посещение семинаров, которые вели светила физики. Чем Вам запомнились студенческие годы?

О, это в двух словах не рассказать! Если совсем кратко — то это удивительная атмосфера, в которой царил дух открытий и творчества, причем не только в физике и математике, но и в мире социальном. Школа жизни в общежитии, стройотряды на Дальнем Востоке и в Казахстане, московские театры, дворничьи квартиры (на 3-м курсе частично и 6-м курсе полностью я подрабатывал дворником и жил не в Долгопрудном, а в Москве в служебных коммунальных), собственный диско клуб (лучшая дискотека в институте!), вечера КСП, встречи с Высоцким и Тарковским. Наконец, это битвы с факультетским партбюро за свободу комсомольского самоуправления (замечу, это все в основном 1979—81 гг., финал-апофеоз застоя), закончившиеся совсем уж революционным общефакультетским собранием со знаменитым «письмом к съезду». Это вообще отдельная история, достойная занять свое маленькое место в общей истории советского диссидентства, ее помнят все участники событий с обеих сторон. В общем по основным физ-мат. предметам учился я неважно, меня все равно тянуло куда-то в сторону, благо возможностей «отклониться от курса» на физтехе было предостаточно. Все очень много читали разного рода «прорывных» книг — Булгаков, Гессе, Кортасар, Борхес, Р. Бах, всяких восточных мистиков типа Кришнамурти, повальное увлечение дзэн-буддизмом было — Уотс, Судзуки... Ходили на лекции Никиты Николаевича Моисеева и Юрия Павловича Иванилова (это наши деканы были и преподавали системный анализ) и факультативы Г. П. Щедровицкого и Г. С. Батищева (последние просто переворачивали головы). В общем вот это социальное и философское и осталось в памяти прежде всего. А из физмат дисциплин более или менее нравилось только то, что было связано с вычислительной математикой и программированием. И диплом по автоматизированному проектированию САУ у меня был написан настоящий, стыдно не было, «отлично» было заслуженным, так все говорили. В общем физическое образование, как бы это не было сегодня досадным, я на физтехе пропустил. А вот в целом мозги там «ставили» хорошо, спасибо большое всем учителям и товарищам.

Допускаю, что Г.С. Батищев мог. Не думали заняться какими-либо аспектами философии физики? Скорее всего после МФТИ, да еще при наличии специализации по САУ, Вас направили работать в «ящик». Не так ли?

Так, так... Про философию физики Вы точно подметили. Сразу после института мои основные авторы — это П. Фейерабенд, Т. Кун, Д. Белл и еще разный народ из «философии техники» (Дж. Мартин, Т. Стоуньер, О. Тоффлер...), что тогда переводился на русский язык. И, конечно, работал я в «ящике». Только для физтехов слово «направили» не совсем подходит, все-таки последние месяцы перед защитой диплома все уже ездили по разным НИИ и КБ и беседовали с потенциальными работодателями, которые изо всех сил старались завлечь нас к себе (на меня пришло три запроса, а я, повторюсь, далеко не лучший студент был), поэтому мы могли выбирать. И по большому счету критерий выбора был один — жилье в Москве, точнее в Подмосковье. Так я и выбрал НИИ «Полюс»

Министерства электронной промышленности, который имел в тот год возможность взять на работу сразу около 20 выпускников МФТИ только потому, что у него как раз готовился к сдаче многоквартирный дом в одном из поселков сразу за МКАД. В общем, как и положено нормальному физтеху, 6 лет оборонке я отдал честно, получив сначала комнату в малосемейке, а потом поменяв ее на однокомнатную квартиру.

Вместе с тем, несмотря на довольно интенсивную загрузку на работе (одно время у нас был т.н. «аккордный» проект, пахали без учета дня и ночи), начиная с 1983 года, профессиональная жизнь у меня уже разделилась на две части. И причиной тому стало одно довольно случайное событие в конце физтеховской жизни.

Получилось так, что после защиты дипломной работы и до официального выпуска у меня оказался месяц свободного времени. Половину мая и июня 1982 года я таскался по всяким интересным для меня мероприятиям. И как-то увидел объявление в Лектории Политехнического музея об открытой встрече с ведущими социологами СССР. Естественно «записался». Как сейчас помню, перед общественностью с популярными рассказами о том, что такое социология, и чем она может быть полезна советскому народному хозяйству, выступали А. Харчев, Х. Момджян, Ф. Бурлацкий, И. Бестужев-Лада и другие ведущие обществоведы СССР (всего, на память, человек десять, по-моему, были еще Ф. Филиппов и Г. Осипов, но не уверен), которых я почти никого не знал до этого (кроме И. В. Бестужева-Лады, публикации которого в «Литгазете» мне очень нравились). Каждый рассказывал про свою область социологии, было довольно интересно, и, конечно, больше всего публику очаровал Игорь Васильевич Бестужев-Лада с рассказом про футурологию и социальное прогнозирование (а рассказчик он — знатный). И вот, отвечая на многочисленные записочки с вопросами из зала, он зачитывает — «а есть ли у Вас, И.В., ученики?» — и отвечает, что мол есть ученики-сыновья, но нет учеников-дочерей. То есть много тех, кто выучился, защитился и дальше ушел уже свое дело развивать («сыновья»), а вот тех, кто продолжил бы род, то есть остался бы развивать науку прогностику («дочери»), таких нет. Ну, я, естественно, пишу ему записку, что готов обсудить вопрос про дочерей, договариваюсь о встрече, и уже через неделю приезжаю к нему домой разговаривать про футурологию и исследования будущего. Я ему сразу тогда предложил организовать постоянный семинар по социальному прогнозированию в МФТИ, сказав, что более подходящих слушателей и продолжателей дела ему нигде не найти. Игорь Васильевич, считавший в то время элитой лишь таких же, как он, выпускников МГИМО, поначалу со скепсисом отнесся к этой затее, но уже с сентября начал ездить в Долгопрудный и проводить факультативные семинары. А потом с рядом наиболее заинтересованных участников этот неформальный (общественный) семинар перебрался в Институт социологических исследований АН СССР, где уже в сборном коллективе гуманитариев и технарей (через несколько лет еще ряд выпускников МИФИ и МГУ подтянулись) работал регулярно (раз в две недели народ собирался) более 4-х лет. А я был при этом как бы «старостой кружка». И чего мы там только в 1983—86 гг. не обсуждали! Это действительно был очень свободный полет идей, концепций, проектов и даже небольших любительских исследований. Игорь Васильевич позволял дилетантам

в социологии вдохновенно фантазировать и пробовать свои силы во future studies под его внимательным и доброжелательным руководством. До сих пор некоторые идеи того времени вполне актуальны.

В общем до 1987 года включительно я в рабочем плане жил на два дома: профессиональное техническое творчество в «ящике» и любительская социология в ИСИ АН СССР. А когда в разгар Перестройки оборонка стала совсем рушиться, и нашу последнюю разработку (2-е место в конкурсе молодых специалистов) просто положили на полку, я решил для себя, что дальше сидеть на двух стульях нельзя, надо, в конце концов, определяться в профессии, и подался в аспирантуру Института социологии. Тем более, что «социальное» к тому времени стало настолько интересным и горячим, что вряд ли какая другая наука могла составить конкуренцию социологии в притягательности для любознательных и ищущих голов.

Игорь, пожалуйста, посмотрите мою беседу с Ларисой Козловой «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев?..» <http://marie-olshansky.ru/ct/bdoktorov.shtml> и Вы поймете, что философские аспекты физики меня тоже интересовали и в годы юности, и позже. И мне кажется, что когда мы обращаемся к методологии социологических исследований, мы — осознанно или спонтанно — учитываем постигнутое тогда в наших сегодняшних теоретико-методологических построениях. Что Вы думаете по этому поводу?

Естественно-научное образование, связанные с ним «картина мира» и способы его познания, безусловно, до сих пор определяют мои методологические пристрастия и исследовательскую позицию. Я — недобитый позитивист, махровый эмпирик, всегда пытаюсь держать дистанцию с объектом исследования и не допускать субъект-объектных мезальянсов. Наконец, я последовательный прикладник, стремящийся к практической полезности полученного в результате исследования знания и информации. Это если кратко. Плюс я большой сторонник «количественных» методов и максимального применения математики в социологии (помните, «наука только тогда достигает совершенства...» (с)). В общем, конечно, во всей моей социологии по-прежнему сидит физтех, с увлечением решающий интересные задачки из сборника задач по «социальной физике».

Ваша аспирантская тема была связана с прогностическими моделями?

Да, конечно, я же у Бестужева-Лады был аспирантом. Диссертационная тематика была выбрана задолго до поступления в аспирантуру — «Возможные и вероятные социальные последствия компьютерной революции», то есть на пересечении моего прежнего «технарского» профессионального генезиса и нового социологического. Но аспирантская жизнь началась, когда на дворе стоял уже 88-й год, вокруг и внутри меня происходили тектонические изменения, открывались фантастические перспективы, сопровождающиеся не менее потрясающими рисками, каждый день надо было принимать судьбоносные решения, а на следующий их отменять и заменять другими, в общем революционное время, когда один день стоил года в застойный период. Короче, диссертационную ком-

поненту своей жизни я тогда вполне сознательно похерил. И хотя аспирантура была честно закончена с прилично сданными кандидатскими экзаменами, моей фактической диссертацией стал ЦИРКОН.

*Первый большой перерыв в беседе; новый тур беседы начался
29 сентября 2014 года.*

ЦИРКОН давно и заслуженно стал одним из лидеров среди российских независимых организаций по изучению общественного мнения и рынка, так что – мое мнение – эта Ваша диссертация успешно защищена. А когда и как все начиналось? Что стало базовым импульсом для создания ЦИРКОН?

Тут надо разделять базовую идею-концепцию и импульс к созданию. Идея (и название!) ЦИРКОН родились несколько раньше создания самой группы на волне начавшейся в середине 80-х моды на советские «Rand Corporation» и прочие «мозговые тресты» и «думающие танки». С друзьями из «методологического сообщества» («щедровитяне») я сочинил концепцию Центра Интеллектуальных Ресурсов и кооперации в Общественных Науках (ЦИРКОН), как сложного организационного комплекса по производству интеллектуальной продукции, состоящего из 4-х секторов. Прежде всего, сектор производства некоего знания («институт»), далее сектор тиражирования и распространения этого знания («издательство») и сектор, воспроизводящий полученное знание уже в людях – в навыках работы, традициях, нормах («университет»), и, наконец, сектор материально-технического обеспечения производства («фонд»). Такая структура как раз в логотипе ЦИРКОН и выведена: четыре стрелочки – это поддерживающие и дополняющие друг друга сектора. Реализовать эту концепцию полностью не удалось, хотя отдельные элементы в той или иной степени присутствовали в деятельности группы всегда.

А вот импульс для реального появления ЦИРКОН был типичным для поколения молодых ученых того времени: стремление к самостоятельности и капитализации своего профессионального и творческого потенциала, проще говоря переводу академических исследований в прикладной коммерческий формат, выводу их на рынок («рынок» – это звучало магически!). Вокруг как грибы после дождя появлялись различные научные кооперативы, центры НТТМ, т.н. «внедренческие предприятия» и т.п. И вот дружеский коллектив молодых сотрудников и аспирантов Института социологии АН СССР тоже решил, что вполне может выйти за пределы института на свободный рынок и там реализоваться с тремя принципами: 1) мы будем делать то, что нам интересно профессионально (творческий интерес), 2) мы будем делать то, что стоит дорого и хорошо обеспечивается материально, 3) мы будем делать то, что будет еще полезно и обществу, и что сделает вклад в развитие не только нас как социологов, но и кого-нибудь еще (даст социальный эффект). Такой вот добрый молодой «наив», полагающий, что можно легко совместить все три указанных интереса. Это только потом мы поняли, что они порой просто противоречат друг другу.

Вы сейчас несколько раз произнесли «мы»? А кто это «мы»? Вы были не один?

Конечно, не один. Надо сказать, что при поступлении в аспирантуру я претерпел серьезную метаморфозу. Предыдущий период любительского занятия социологией в основном сводил меня с такими сотрудниками ИСАН, с которыми я не чувствовал себя слабым неофитом, и, придя в Институт, даже ощущал себя в чем-то более опытным, умелым и креативным (ну, например, в организации исследовательского процесса). И тут я столкнулся с Гигантами (сначала с одним, а потом еще с одним). Ощущение было, как будто уверенно бежишь и вдруг бац(!) лбом об стену. Таким «гигантом мысли» я искренне до сих пор считаю Юрия Качанова, энциклопедически образованного и очень творческого человека. Он – судя по всему – мой второй учитель в социологии, хотя по возрасту мы в общем-то ровесники. Короче, во многом благодаря Юре (Юрию Львовичу) появился хороший квалифицированный коллектив из 6–7 человек (Юрий Качанов, Наталья Шматко, Ольга Трущенко, Владимир Коробов, Марина Пугачева, Дмитрий Захаров, ну, и Задорин), плюс к нему я присоединил еще 4-х человек из моей внеинститутской исследовательской жизни (впоследствии они довольно быстро отошли от группы). Исторический протокол о создании ЦИРКОН 23 июня 1989 года подписали 8 человек (Да, в этом году у нас юбилей!). Сначала обсуждался вариант сделать полностью самостоятельное предприятие типа кооператива, но я считал, что мы не вытянем. Поэтому для начала было решено пожить в «теле» Молодежного компьютерного центра «Вариант», который я с коллегами по оборонке и РК ВЛКСМ создавал двумя годами ранее. Оценивая мои заслуги в появлении самого МКЦ, руководители «Варианта» пошли на джентльменское соглашение: мы не участвуем в их бизнесе, а они дают нам возможность в виде хозрасчетного подразделения МКЦ «позаниматься наукой». Так в МКЦ «Вариант» возник отдел гуманитарных исследований с внешним коммерческим названием – ЦИРКОН. Надо признаться, это соглашение очень помогало нам в течение трех лет: ЦИРКОН не заботился об инфраструктурных вещах – помещении, технике, бухгалтерии и т.д. – и работал практически только на самоокупаемость.

Позже в 1992 году, когда уже появился организационный опыт, нами было «выкуплено» малое предприятие издательского профиля «Фирма «Адапт», которое с тех пор и является «юридическим телом» Исследовательской группы ЦИРКОН. Фирма «Адапт» владеет двумя зарегистрированными товарными знаками: ЦИРКОН (ZIRCON) – для исследовательской деятельности и «Socio-Logos» – для информационно-издательской. Строго говоря, следует различать все три имени, но на практике, как правило, для обозначения всей компании используется имя «ЦИРКОН». Сейчас под этим брендом выступают уже три организации (с 2003 года работает еще АНО «Социологическая мастерская Задорина»), поэтому мы и говорим не просто о ЦИРКОН, а именно о Группе ЦИРКОН.

Да, отвлекся, так вот про метаморфозу... После знакомства с Юрием Качановым, а потом с Александром Филипповым, я года на два вновь стал «учеником», осваивавшим методологию социологических исследований и вообще понимание социологии, а мой функционал в ЦИРКОНе в основном был аналитический (статистический анализ данных), менеджерский и порой продюсер-

ский. Только в 1991 году, когда Качанов уже ушел в «Индем» к Г. Сатарову, я стал проводить собственные исследования, но все равно еще несколько лет старался привлекать Ю.Л. в качестве консультанта.

А с каких исследований начал ЦИРКОН?

Первая заказная работа ЦИРКОН – это обследование московских центров НТТМ (включая интервью с их директорами) летом 1989 года. Надо сказать, что эта работа потом несколько раз использовалась нашими исследователями российской элиты (Наталья Шматко, Ольга Крыштановская) как один из эмпирических материалов о генезисе российского бизнеса. А потом был мощный проект под весенние 90-го года выборы Верховного Совета РСФСР и Моссовета, включавший в себя четыре эмпирических исследования и консультационное сопровождение трех кандидатов в депутаты (все три, кстати, прошли). Этот проект был одним из первых в истории электоральных исследований в России, он был сочинен инициативно, а уже затем я нашел под них заказчиков (не без старых комсомольских связей, конечно). По итогам было написано несколько статей, все они помещены в сборнике «Демократические институты в СССР: проблемы и методы исследований» (весна 1991 г)¹, первой книги, выпущенной ЦИРКОНОм и, пожалуй, первом в России издании, почти целиком посвященном проблемам электоральной социологии. Методические разработки того проекта использовались еще много лет, и не только нами.

Вообще-то про историю ЦИРКОН и его исходные принципы я довольно много раз рассказывал (у меня уже даже формулировки некоторые устойчивые появились как в любой мифологии), многое из этого опубликовано (см., например, интервью начала 1998 года [«ЦИРКОН: «Принципы и дела» // «Кентавр»](#), выпуск 19 или сравнительно недавние беседы с Ларисой Козловой для ее сборника² и с Андреем Яковлевым для его исследования аналитических центров³). Уже и не очень хочется повторяться...

Продолжение 30 ноября 2014 года.

Ну, как же, это очень интересно. Особенно про принципы. У ЦИРКОНа уже тогда принципы были? Шучу. Просто начало 90-х было временем скорее беспринципным, когда старые социальные нормы, правила и кодексы революционно «отменялись».

Ох, и не говорите. Но в то же время как раз тогда формировались новые подходы к исследовательской деятельности и складывались новые принципы отношений между ее участниками, новые принципы организации социальной науки и прикладных социологических исследований. История многих исследовательских институтов, родившихся в то время – это во многом история станов-

¹ Четыре статьи из сборника можно найти здесь – <http://www.zircon.ru/publications/neizvestnyj-zircon/>

² Интервью с Задориным И.В. в кн. «Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации» / Отв. ред. Л.А. Козлова; ред.-сост. Н.Я. Мазлумянова, И.А. Шмерлина; ИС РАН. 2010. — стр. 210–233 // URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/c94/teorija_i_metodologija_v_praktikah_rossijskih_sociologov_postsovetskie_transformacii.pdf

³ В профессиональном социологическом сообществе не хватает независимых экспертов – Беседа А.А. Яковлева с И.В. Задориным // Экономическая социология. Т. 14. № 4. Сентябрь 2013 // URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/1ed/V_professionalnom_sociologicheskom_soobshhestve_ne_hvataet_nezavisimyh_jekspertov.pdf

ления новых норм, правил и новой этики. И у нас, конечно, тогда были не совсем «принципы», а скорее некоторые важные моменты фирменного позиционирования на формирующемся исследовательском рынке, своеобразные «декларации о намерениях», сделанные самим себе. Но со временем они действительно стали принципами или, как говорят, «философией фирмы».

Первый принцип связан с той самой наивной идеей о *возможности совмещения бизнеса и науки, творческого и материального интереса*. ЦИРКОН все время пытался и пытается до сих пор сидеть на двух стульях, причем поначалу смущаясь от этой своей позиции, а потом, напротив, гордо неся звание прикладных социологов. Идеология «прикладности», то есть ориентация на заказные работы, на потребности социальных управленцев (хоть в бизнесе, хоть в госуправлении, хоть в третьем секторе), на поиск решения конкретных социальных задач, все время была важнейшей характеристикой нашей работы⁴. И это именно профессиональная позиция, поскольку именно востребованностью со стороны административных или бизнес-структур мы зарабатывали себе на хлеб. Но вместе с тем, мы все время поддерживали связь с академическими институтами и вузовским сообществом, пытаясь внести посильный вклад и в социологию как науку, хотя бы методическими разработками и эмпирическим материалом, если уж не теоретическими моделями. В ЦИРКОНе постоянно работали люди, совмещающие какие-то должности в ИС РАН, ВШЭ, других вузах (и сейчас так же). Это сопровождалось также и постоянными инициативными некоммерческими проектами, в которые мы скорее вкладывали, чем на них зарабатывали. И это было даже в самые трудные времена 90-х годов. Что такое проект «Трансформация России. Экспертный сценарно-прогностический мониторинг (ЭСПМ)», который начинался совместно с сектором социального прогнозирования ИС РАН в 1991 году, а с 1993-го года стал собственным инициативным проектом ЦИРКОН? Или что такое издание журнала-альманаха «Вопросы социологии» в 1992–1998 гг.? Это же планомерно убыточные проекты, если говорить с точки зрения экономики предприятия. Но в первом случае родилась оригинальная методика экспертного прогнозирования, а во втором — вообще был сделан существенный вклад в дело освоения российскими коллегами классических работ западных звезд социальной науки (тут прежде всего надо отметить тех же Юрия Качанова, Наталью Шматко и Александра Филиппова, выступавших редакторами отдельных выпусков журнала). А если мы сами не могли сделать что-то научно стоящее, то просто передавали материалы сугубо прикладных исследований академическим товарищам, как когда-то в 1997 году передали Вадиму Радаеву и его коллективу три коробки архива годового проекта включенных наблюдений в очередях вкладчиков финансовых пирамид (по этим материалам несколько хороших статей было написано, см., например, 8-й, он же последний, выпуск «Вопросов социологии» 1998 года).

В общем мы все время пытались (и пытаемся сейчас) удерживать в оптимальном соотношении (я бы сказал, гармонии) разные интересы: и деньги зарабатывать на оказании интеллектуальных услуг, и в науку что-то привнести, а если паче чаяния наши исследования еще и помогут решить какую-то социальную проблему, так и вообще хорошо. Теперь для всех таких гибридных образований типа ЦИРКОН наконец-то нашлись красивые выражения — «научно-технологическое предпринимательство», «интеллектуальное продюсирование», «соци-

⁴ Задорин И. В. Апология прикладности, или еще раз о профессионализме, профессии и профессиональном сообществе // «Социальная реальность», №5, 2007 г.

альное предпринимательство». Многие одобряют и даже иногда поддерживают. А раньше кроме ругательных слов — «коммерсанты!» — со стороны «ученых», или уничижительных — «наивные романтики!» — со стороны настоящих «бизнесменов», мы почти ничего и не слышали. Везде чужие, что в науке, что в бизнесе...

Так, принцип совмещения коммерческого (бизнес) интереса и научного творчества — это первое. А что еще определяло «философию» ЦИРКОН?

А второй принцип по аналогии с первым можно было бы назвать как раз принципом разделения. *Мы принципиально разделяем два вида деятельности — исследования и консультирование*, долгие годы фактически табуируя для себя второе. Надо сказать, что к такому пониманию профессии я пришел не сразу. Ведь поначалу, как настоящий физтех, я как раз жаждал дополнить социологию социальной инженерией, считая, что если исследование не заканчивается воплощением полученных данных в социальных решениях, социальных изменениях, то это попросту пустое времяпрепровождение. И первые проекты по электро-социологии мы сопровождали консультированием наших заказчиков — кандидатов в депутаты (напомню, все «прошли»). Но потом, я начал серьезно сомневаться в правильности сочетания в одной организации (в одном субъекте) исследовательских и социально-инженерных работ. Если одни и те же люди (компания) получают деньги сначала за то, чтобы выяснить что-то о социальной реальности, а потом за то, чтобы эту реальность изменить (предложить инструмент изменения) в соответствии с полученным знанием, то весьма вероятно, что результат исследования будет неосознанно подгоняться под априори существующий образ предлагаемых изменений (или задним числом интерпретироваться в соответствии с этим образом). Более того, социальные исследования очень часто служат как раз инструментом контроля и оценки принятых решений (аудит эффективности). И как же один и тот же субъект будет в ипостаси исследователя контролировать себя же в ипостаси консультанта? Налицо конфликт интересов.

Кроме того, у этих двух профессиональных позиций принципиально разная моральная ответственность. Ученый, исследователь, на мой взгляд, не должен нести ответственности за то, кто и как использовал знания, открытия, ставшие результатом его работы. Более того, результаты большинства социальных исследований, по всей видимости, должны быть известны и принадлежать всему обществу. А вот социальный инженер должен десять раз подумать, для кого он создает инструмент изменения социальной реальности (например, давая рекомендации, основанные на результатах социологических исследований), и с какими целями этот инструмент будет использоваться. В какой-то степени можно сказать, что исследователь может не иметь гражданской или политической позиции для того, чтобы проводить корректные исследования (даже лучше, если он ее не имеет), а вот социальный инженер обязан. Моральная ответственность социолога (исследователя) и политконсультанта (имиджмейкера) в рамках предвыборной кампании, существенно разная, и я далеко не всегда готов «потянуть» ответственность второго (например, для меня и ЦИРКОН до сих пор серьезным моральным грузом является работа с МММ и С. Мавроди на выборах 1994 г., хотя некоторые политтехнологи даже гордятся такими проектами).

Почему я про это говорю как о чем-то очень важном? Потому что очень многие коллеги не различают этих двух ипостасей в своем общем позиционировании как социолога. Для меня это, строго говоря, разные профессии, а многие их постоянно смешивают в своей деятельности. Но доверие к исследованиям, сделанным социологом-консультантом (а такие есть), очевидно ниже, потому что там всегда чувствуется «второй план», заинтересованность в определенном видении социальной реальности. И это смешение, как я уже неоднократно говорил и писал, подрывает репутацию социолога-исследователя⁵.

Поэтому с какого-то момента (где-то с середины 90-х годов) в цирконовской корпоративной философии появилось табу на консалтинг. Мы принципиально отделили для себя процесс измерения социальной реальности от процесса ее изменения, сказав себе и всем, что изменениями не занимаемся. Или как мы иногда говорили: «что народ думает, мы вам скажем, а как его обмануть, это без нас...». Хотя многие товарищи недоумевали по этому поводу – «Задорин от денег отказывается». Ведь именно в консалтинге концентрируется основная часть возможной прибыли прикладного интеллектуала, ибо никакая аналитика и исследования не могут конкурировать по своей ценности для управленца с конкретным вариантом решения проблемы, который приносит в качестве своего продукта консультант. Но мы были принципиальны.

Зная Вашу публичную биографию, трудно поверить, что Вам всегда удавалось соблюдать этот принцип. Например, как же Вы работали в Администрации Президента РФ и не предлагали никаких решений? Неужели от Вас совсем не требовали предложений и рекомендаций?

О, это замечательный вопрос! Про этот период моей биографии (рук. отдела изучения общественного мнения в АП РФ в 1996–1999 гг.) надо рассказать отдельно. Только чтобы мне было труднее отвечать на Ваш вопрос, надо бы вспомнить до кучи мою работу и советником в Пресс-центре Моссовета в 1992–1993 гг, и начальником аналитического отдела в Инвестиционно-банковской группе «НИКойл» в 1995–1996 гг., и руководителем социологической группы в Фонде эффективной политики уже после работы в АП РФ в 2000–2002 гг. Если посмотреть на формальный список должностей, то получится очевидный образ непубличного консультанта от социологии. Действительность гораздо хитрее. Но это в следующий раз...

Третий большой перерыв. Возвращение к интервью 10 марта 2015 года.

Ох, как давно мы уже не переписывались с Вами, Борис Зусманович. С Вашего позволения продолжу с того места, на котором прервался разговор. Вообще за время перерыва в нашем долгом интервью я понял, что не хотел бы строить свою биографию как «историю событий». Это «по молодости» казалось, что богатая биография – это, прежде всего, длинный ряд важных событий, встреч со значимыми людьми, крупных дел и проектов и т.п. Но со временем, когда число реализованных проектов-исследований перевалило за три сотни, количество налетанных километров стало исчисляться десятками витков вокруг Земли, телефонная книжка включать более тысячи человек, а важные события

---

⁵ См. «Три профессиональных позиции социолога и репутация профессии» (2003) и «Смещение позиций подрывает репутацию социологии» // «Мониторинг общественного мнения», 2004, №2.

слились в какую-то непрерывную череду, то как-то естественно захотелось осмыслить и найти что-то в этой череде постоянное, то, что двигало и двигает все эти годы. И в этой связи теперь я свою биографию вижу скорее не как историю событий, а как историю идей, которые воодушевляли в разные годы и определяли профессиональную линию.

Так вот, переходя к ответу на Ваш вопрос о работе с Администрацией Президента, скажу, что одной из самых дорогих для меня идей, буквально «идеей фикс», всегда была сугубо управленческая *идея об обратной связи*. Сколько себя помню в социологии, всегда был увлечен внедрением подсистем эффективной обратной связи в управленческие системы, то есть подсистем социальной диагностики и прогнозирования с полноценным, точным и своевременным информированием органов управления (любых – в государстве, бизнесе, общественном секторе) о состоянии и динамике окружающей социальной среды. И в этом видел важнейшую миссию прикладной социологии. Власть должна знать об обществе все без прикрас и искажений, чтобы корректно согласовывать интересы и обеспечивать устойчивое развитие. Бизнес должен понимать тенденции рынка, чтобы эффективно отвечать на запросы потребителей. Гражданские лидеры должны иметь достоверную информацию о мотивах, ценностях, проблемах граждан, чтобы не разрушать, а укреплять общественное доверие и приращивать социальный капитал. И т.д. и т.п. Естественно, меня все время тянуло к месту, где принимаются решения, будь то руководство компании, общественной структуры или государственного учреждения. Причем тянуло совсем не для того, чтобы эти места занимать самому (с этим я еще во времена комсомольской молодости разобрался и свой собственный уровень управленческой и бизнес-компетентности определил жестко), а для того, чтобы понять, каким образом, на основе какой информации, под влиянием каких факторов и т.п., принимаются решения, и вообще, как оно возможно социальное, политическое и бизнес управление. И какой должна быть социальная информация, чтобы управленец ее принял, усвоил и эффективно использовал во благо управляемому объекту.

Поэтому, когда с подачи Александра Ослона поступило предложение возглавить создаваемый в АП РФ после выборов 1996 года отдел изучения общественного мнения (потом он стал просто социологическим отделом), я почти не колебался. «Почти», потому что сомнения были в связи с моим существенным неприятием очень многих аспектов тогдашней политики российской власти. И профессиональный интерес вступал в противоречие с угрызениями совести (как же я этой политике буду помогать?). В конце концов, помню, на волне всех этих переживаний мы как-то с моим давним институтским другом изрядно напились, и в алкогольном угаре сформулировали мысль: «Задорин, ты идешь туда Штирлицем, только наоборот». Имеется ввиду, что я буду тайным агентом, но не транслирующим информацию «оттуда», а поставляющую правдивую информацию «туда». Власть должна знать, что думает народ! Даже, если она не хочет этого знать! Вот с такой тайной миссией я там три года и проработал. И надо сказать, ничуть не жалею: в профессиональном плане было чрезвычайно интересно.

Функцией отдела была сборка и поставка социологической информации для ЛПР (ЛПР – лицо, принимающее решение), причем почти конвейерная поставка. Мы работали в тесной связке с Фондом «Общественное мнение»,

в еженедельном режиме формулируя задачи очередных опросов, получая их результаты и сводя данные в лапидарные аналитические записки. В это время впервые решались непростые задачи постановки еженедельного мониторинга социальных настроений в привязке к событийному ряду и предполагаемым решениям (тогда такого мониторинга ни у кого больше не было), корректного сопоставления и интегрирования данных разных исследовательских центров, объединения в рамках аналитических работ данных разной природы (опросы, госстатистика, в т.ч. закрытая, эксперты, медиаконтент и т.п.). Тогда же я начал проводить первые эксперименты по межрегиональным исследованиям.

И в общем Бог уберег меня тогда от необходимости всерьез включаться в реальное консультирование. Но самое главное даже не это. Главное, что от меня никогда не требовали какого-то специального результата, подправленного под определенное лицо или решение. Мы, как правило, поставляли не просто информацию без рекомендаций, мы поставляли информацию, очищенную даже от интерпретаций. Дело в том, что в то время (период довольно острой внутриполитической конкуренции), служебная записка, идущая на имя Президента РФ или руководителя его Администрации, должна была быть максимально сухой, сжатой, и трижды проверенной на отсутствие даже грамма потенциального влияния на мнение и решения высших должностных лиц государства. Я не питаю иллюзий по поводу того, что «разные башни Кремля» не добавляли к нашим запискам каких-нибудь своих интерпретаций и нужных комментариев уже в рамках своих интересов. Конечно, добавляли. Но это уже было за пределами зоны нашей ответственности. А у нас тогда выработался определенный стиль и формат социологического продукта, который затем стал стилем ЦИРКОНА и был заимствован (а я видел много разных отчетов и докладов) многими исследовательскими и аналитическими организациями. Этот специфический жанр «служебного» социологического доклада хорошо представлен в выходных материалах нашей работы в Фонде эффективной политики в 2000–2002 гг. (более 1000 страниц!), куда была перенесена работа по социологической аналитике после закрытия отдела в АП РФ⁶.

В общем это был важный опыт. Не каждому социологу доводится так близко прикоснуться к механизму власти, а я все три года участвовал в еженедельных пятничных совещаниях у руководителя АП, на которых обсуждалась информационная политика президентской власти (иногда выходили и за пределы этого ограниченного функционала). Кстати, настоятельно рекомендую социологам, занимающимся прикладными исследованиями, некоторое время поработать во властных органах или в бизнес-компаниях (как говорят, «на стороне заказчика»). Начинаешь лучше понимать, как «работает» социологическая информация после того, как она произведена. Знаю коллег, которые занимали какое-то время должности в министерствах, региональных администрациях, муниципальных органах управления, у них гораздо меньше иллюзий по поводу влияния социальных исследований на общественную рефлекссию и принятие решений (та самая «обратная связь»), причем как в сторону ее недооценки, так и переоценки.

---

⁶ Общественное мнение России в докладах и записках. Годовой доклад 2001.

Правда, раньше (не очень представляю, как сейчас) надо было быть готовым и к некоторым возможным материальным осложнениям. Так, я пришел в АП хотя бы с небольшим «жировым запасом», а ушел, будучи весь в долгах. Но уже немногим через полгода меня нашли люди от Глеба Павловского, с которым мы как раз и познакомились в АП, и пригласили создать социологическую группу в Фонде эффективной политики практически с тем же функционалом, что и социологический отдел в АП. И уже на других деньгах, на которые можно было бы и ЦИРКОН немного подкормить (фирма за время моей работы в АП и особенно после кризиса 1998 года серьезно просела, мне даже пришлось тогда кредитоваться у друзей).

То, что Вы рассказываете, сильно отличается от довольно распространенного взгляда на работу социолога во власти, который в представлениях публики постоянно должен чего-то приукрашивать и привирать в угоду работодателю, и вообще не может быть политически беспристрастен...

Повторюсь, возможно я плохо представляю сегодняшний стиль работы Власти с социальной информацией, и возможно мне в свое время просто повезло (люди в АП долгое время никак не могли понять про меня, «чей это человек», и начали немного прессовать только тогда, когда неожиданно обнаружили, что «ничей»; ну, я через полгода и уволился). Это, во-первых. Во-вторых, я не говорю, что все социологи должны быть политически беспристрастны. Это, пожалуй, и невозможно. У меня тоже есть вполне определенная личная гражданская позиция по многим социально-политическим вопросам. Но каждый профессионал выбирает свой стиль, свой имидж, свое позиционирование на рынке, кто-то более «красный», кто-то более «белый»... У ЦИРКОНа в профессиональном поле долгое время по отношению к потребителю была позиция сравнительно универсальная, амбивалентная, даже всеядная, если хотите. За свою долгую профессиональную жизнь ЦИРКОН работал и с коммунистами, и с национал-патриотами, и с либералами-западниками, поставлял социологическую информацию и для органов власти (как российских, так и стран СНГ), и для бизнеса (как российского, так и иностранного), и для НКО (опять же как российских, так и иностранных).

Полушутя я везде представлялся как самый ангажированный социолог, но ангажированный главным субъектом власти в стране — народом (см. Конституцию РФ). Мы постоянно стараемся договориться с любым заказчиком о том, чтобы хотя бы фрагмент из результатов исследований был бы опубликован и стал общедоступным. Таким образом мы хотя бы частично работаем и на российское общество в целом или на его активную рефлексирующую часть. Посмотрите на наш сайт, там висит очень много отчетов не только по нашим собственным инициативным, но и по вполне заказным работам.

И вообще я долгое время повторял, что в отношении работы моя профессиональная позиция сильнее гражданской. Профессиональный (в т.ч. методологический) интерес довольно часто перебивает неприятие заказчика в человеческом и/или политическом плане. Приоритетом было и есть стремление сделать работу качественно, доказать свою высокую квалификацию, показать творческое отношение к задаче вне зависимости от целей заказчика. Наша пристрастность — при любом раскладе оставаться честными в профессиональном плане. Вот обратилась

к нам как-то в 2003 году весьма известная строительная компания по поводу изучения отношения жителей одного из районов Москвы к планам новой застройки, причем сразу заявила о заинтересованности в получении определенного результата. Ну, естественно, была отправлена со своей заинтересованностью «далеко». Через месяц они опять к нам обращаются и говорят «ладно, сделайте как считаете правильным». Было много и других подобных неприличных предложений, связанных, например, с откатами. Все они шли по вполне определенному адресу. Но некоторые возвращались и делали заказ уже без «обременений». И несмотря на то, что я знаю, где и когда я потерял хорошие контракты из-за несговорчивости, я так же хорошо знаю, что эта наша чудаковатость и зацикленность на сугубо профессиональном отношении к работе для реального потребителя (того, кто хотел бы знать реальное, а не желаемое положение дел) является важным позитивным основанием для сотрудничества и заказов.

Конечно, в краткосрочном плане можно вырваться вперед на особых «теплых» отношениях с определенным работодателем и заказчиком, но в долгосрочной перспективе это часто оборачивается профессиональной катастрофой. А мы – «стайеры».

Конечно, если говорить совсем честно, то лично я (не как ЦИРКОН, а как Задорин), все-таки иногда позволял себе заходить в консультационную позицию, когда меня об этом просили друзья. Иногда я действительно чувствовал, что знание об объекте управления, открывшееся мне в исследованиях, поможет управленцу принять правильное решение и избежать ошибок (особенно связанных с излишним насилием над объектом). Но по большей части это было частным неформальным консультированием, а как компания Группа ЦИРКОН всегда старалась держать определенную дистанцию с заказчиком.

В общем я считал и считаю, что социологи могут работать с властью, оставаясь при этом в сугубо профессиональной и беспристрастной позиции. Да что я Вам рассказываю! Вы же лучше всех знаете историю американских отцов-основателей изучения общественного мнения (взять хоть Роупера с Кэнтрилом), которые были советниками разных президентов США, и демократов, и республиканцев. И никто не может предъявить их исследованиям претензий в угоду или политической пристрастности.

Четвертый большой перерыв. Возвращение к интервью 12 июля 2015 г.

Похоже, мы хорошо рассмотрели события прошлого века... но уже и в этом столетии вот-вот завершатся первые полтора десятилетия... наверное, все эти годы были разными? Какие «особые точки» Вы бы назвали?

Годы были разными, это точно. Продолжу историю идей и увлечений. С конца 90-х и почти до последнего времени меня сильно занимали две методологические концепции – концепция *мониторинга* (слежение за изменениями) и концепция **сравнения** (компаративистика). Большинство оригинальных проектов ЦИРКОНа этого периода были построены на указанных концепциях, причем интерес к ним берет свое начало с работы в АП РФ.

Надо сказать, что к концу 90-х годов в российской социологии наконец-то появились массивы данных, которые представляли собой динамические ряды регулярных (мониторинговых) измерений. И это не только данные ежемесячных опросов ВЦИОМ и еженедельных опросов ФОМ, но и данные Госкомстата,

Центризбиркома, медиарейтинги, некоторые оценки бизнес-конъюнктуры и т.п. Иными словами стала появляться социологическая история страны. Методология мониторинга требовала специального подхода к фиксации объекта (в т.ч. постоянство схемы выборки и т.п.) и предмета исследования (набор измеряемых параметров, в т.ч. формулировки вопросов в поллах), к процедуре измерения (время, длительность и т.п.), к анализу данных (анализ временных рядов, учет «сезонности», оценка значимых различий между точками измерений) и т.д. Причем почти все мониторинговые исследования рождались в лоне именно прикладной (индустриальной) социологии. А академические и вузовские социологи России в своем большинстве методологически «сидели» в ad hoc исследованиях. И, к сожалению, многое тогда в постановке мониторингов делалось по наитию, на коленке, что в дальнейшем сказывалось. Хотя, кое что и тогда рождалось вполне основательное, отмечу проект RLMS компании «Демоскоп», сейчас это признанная и уникальная база социально-демографической истории России.

ЦИРКОН, естественно тоже немного «поучаствовал в процессе», инициировав в 2000 году мониторинг финансовой активности населения (МФАН⁷). За пятнадцать лет ситуация сильно изменилась, многие мониторинги ведутся уже на совершенно новой технологической базе (например, медиаисследования), но и мы свой старый добрый МФАН не прекращаем, тем более, что он представляет собой пример комплексного исследования на данных разной природы и из разных источников. А с 2009 года по запросу Минкомсвязи мы запустили и ведем опросный мониторинг уровня медиаграмотности населения (тоже уже шесть волн провели).

В личной профессиональной истории для меня были также очень важными работы по анализу мониторинговых измерений политических предпочтений и социального самочувствия, а также их комплексирования с данными измерения медиаполя⁸. Собственно с этих проектов 1999–2001 гг. началась моя весьма скромная публикационная активность, до того времени Задорина как пишущего социолога практически не существовало (да и сейчас я в общем-то «не читатель и не писатель», я – «сказитель»).

Вторым увлечением, также появившимся во время работы в АП, были *сравнительные исследования*, сначала межрегиональные, потом – межстрановые.

Аккумулируя данные самых разных всероссийских опросов (статус Администрации Президента позволял собирать практически все, что можно – ВЦИОМ, ФОМ, АРПИ, РОМИР, т.н. «опросы ФАПСИ» и т.п.), я через какое-то время столкнулся с тем, что при кажущемся обилии информации, на некоторые вопросы ответа найти не мог. И прежде всего это касалось региональной (территориальной) дифференциации. Ну, действительно, такая большая и такая разная страна как Россия с очевидными различиями в социально-политических настроениях в регионах в конце 90-х годов вообще не имела сопоставимых региональных измерений. И вот в 1998 году я начал проводить эксперименты по сравнительным межрегиональным исследованиям, сначала просто договариваясь «по дружбе» с некоторыми региональными исследовательскими центрами о вставке в их местные omnibus сопоставимого блока вопросов. Тогда казалось, что на такого рода информацию будет большой спрос со стороны самых разных субъ-

---

⁷ См. публикации на странице <http://www.zircon.ru/publications/ekonomicheskaya-sotsiologiya/>

⁸ См. публикации на странице <http://www.zircon.ru/publications/sotsiologiya-smi-i-massovykh-kommunikatsiy/>

ектов, и на этой идее мы с коллегами начали создавать *Ассоциацию региональных социологических центров*, ориентированную на проведение синхронизированных и методически согласованных опросов населения регионов. Провели несколько инициативных проектов, один – Межрегиональный электоральный мониторинг 2003–2004 гг. (пять волн) – даже нашел заинтересованных спонсоров. Но все равно коммерчески приемлемыми такие исследования мы сделать не смогли.

Все-таки межрегиональные исследования – удовольствие дорогое, и потребителей на такие продукты считанное число. Хотя идея мало-помалу все-таки пробила себе дорогу. С 2003 года ФОМ запустил свой «Георейтинг» (сейчас – МегаФОМ») с покрытием 65-ти, а потом и 70-ти субъектов РФ (правда, у него, насколько я понимаю, по-прежнему только один платежеспособный потребитель – АП РФ), потом отдельные наиболее состоятельные министерства и ведомства стали оценивать различия в удовлетворенности населения выполнением соответствующих государственных функций (ЦИРКОН, например, делал несколько волн такого межрегионального мониторинга для Роснедвижимости-Росреестра, последний раз с покрытием 81 региона). Летом 2007 года вышел известный указ Президента №825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ», который вменял в обязанность госорганов ежегодное измерение определенных показателей социального развития всех регионов, некоторые из которых имели характер субъективной оценки (на основе опросов). Забавно то, что когда я в 2004 году выступил на одной конференции с докладом «О новых «отчетных позициях» губернаторов», а потом сдал в журнал «Президентский контроль» соответствующую статью с идеей отчетности руководителей региона за социальное самочувствие населения, то статью в печать не приняли, а негласно пожурили – «ишь какой, хочет чтобы еще и социологи контролировали губернаторов». Однако, не прошло и нескольких лет, и во многом в искаженном виде, но идея стала общим местом.

Сейчас многочисленные рейтинги регионов по разным аспектам развития – «модный тренд», часть из них действительно включают в себя большие массивы разнородной информации с продвинутой методикой ее комплексирования и индексации, а есть и просто псевдоаналитическая попка «на три аккорда». Сравнение и рейтинг – мощные управленческие стимулы, и они очень востребованы. Так что задача корректного регионального сравнения меня по-прежнему занимает. В последний год мы как раз сотрудничаем с одним фондом по разработке методики и пробному измерению состояния медиасферы («институционального развития СМИ») во всех регионах страны.

«Все познается в сравнении» – эта сентенция стала лозунгом для еще одного дорогого моему сердцу проекта, получившему название «Евразийский монитор»⁹. С какого-то момента результаты измерения различных параметров социальной реальности новой России все чаще приводили к мысли, что для серьезного понимания процессов, происходящих в стране, необходимо соотнесение этих процессов с аналогичными явлениями в других бывших республиках СССР и далее за пределами постсоветского пространства. Действительно, скажем, в России уровень социальной адаптации (доля респондентов, заявляющих о своей удовлетворенности сегодняшней жизнью) в какой-то момент достиг 50%. Это много

---

⁹ <http://www.eurasiamonitor.org/rus/>

или мало, хорошо или плохо? А уровень одобрения деятельности президента в 65–70% – это предел или нет? На такие вопросы трудно ответить, не посмотрев сопоставимые показатели в других странах. И вот к середине 2000-х годов, социологи стран бывшего СССР, в какой-то степени восполнив наконец-то дефицит информации о «правильном» социальном устройстве на примере стран Запада, вновь почувствовали интерес друг к другу и стали восстанавливать прерванные связи (чему способствовало отсутствие языкового барьера и ставшего распространенным для международных проектов *culture clash*). В марте 2004 года на волне этого растущего интереса в Киеве прошел международный круглый стол экспертно-аналитических центров Беларуси, Казахстана, Украины и России. В рамках круглого стола многие его участники (особо отмечу Андрея Вардомацкого из белорусского центра НОВАК) говорили о настоятельной необходимости запуска в постсоветском пространстве межстрановых исследований по типу «Евробарометра».

Замечу, что проект «Евразийский монитор» стал тем редким случаем, когда гуманитарии сразу от слов перешли к делу. Уже через месяц после киевского «саммита» в апреле того же года было проведено первое пилотное исследование (опрос населения трех стран), а в сентябре 2004 г. прошел второй тур опросов, в котором приняли участие исследовательские компании четырех стран формировавшегося тогда «Единого экономического пространства» – Беларуси, Казахстана, России и Украины.

В концепции проекта мы во многом заимствовали и развивали идеи «Евробарометра». Главной идеей является регулярное (мониторинговое) измерение основных показателей социальных настроений жителей стран постсоветского пространства (ПСП). В 2006 году мы с коллегами из трех стран зарегистрировали Некоммерческое партнерство «Международное исследовательское агентство «Евразийский монитор». В него на сегодняшний день входит 10 организаций из 7 стран СНГ. В отдельных совместных проектах принимают участие и коллеги из всех других стран бывшего СССР, включая даже страны Балтии (хотя они члены ЕС). Ряд крупных проектов финансировался разными фондами, часть исследований (в частности, мониторинг социального самочувствия и политической лояльности, опросы дважды в год) проводится на средства самих участников Партнерства. Последние четыре года «Евразийский монитор» сотрудничает с Евразийским банком развития (ЕАБР), осуществляя по его заказу мониторинговое исследование «Интеграционный барометр ЕАБР»¹⁰ по измерению гуманитарного притяжения/отторжения стран друг к другу как фактора развития интеграционных/деинтеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Важно отметить, что исследования «Евразийского монитора» открыты вплоть до первичных массивов данных (большая часть их уже находится в Едином архиве экономических социологических данных¹¹), и ими могут пользоваться все заинтересованные лица. Мы благодарны Центру интеграционных исследований ЕАБР, который с пониманием отнесся к этой особенности ЕМ и сделал публичными и данные «Интеграционного барометра ЕАБР».

---

¹⁰ См. <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/>

¹¹ <http://sophist.hse.ru/>

К сожалению, аналогом «Евробарометра» как правительственного института наш «Монитор» не стал, организационно он более похож на «Латинобарометр» как сообщество в основном частных компаний с отсутствием регулярного государственного бюджета. Это тяжело, но в каких-то аспектах позволяет сохранять гибкость и независимость. В Партнерстве «Евразийский монитор» ЦИРКОН пока выполняет роль центрального офиса консорциума, методического и аналитического центра, что для нашей маленькой компании, безусловно, высокая честь, но и серьезная ответственность (плюс зачастую дополнительное организационно-финансовое обременение, которое мы рассматриваем в общем почти как миссию). А в личном профессиональном плане для меня важными вехами стали сравнительные исследования по социальным страхам и тревогам, отношению к русскому языку и отношению к общей истории XX века, которые были проведены в 2006–2009 гг. в 14 странах постсоветского пространства (все республики СССР кроме Туркмении). Это были очень интересные работы и, на мой взгляд, недооцененные.

Пятый большой перерыв. Возвращение к интервью 5 октября 2015 г.

Игорь, Вы представили здесь ряд Ваш проектов, безусловно, они интересны и, скорее всего, дают полезную информацию Вашим заказчикам. Не могли бы Вы теперь привести в качестве примера какие-либо результаты Ваших поисков в области мониторинга и компаративистики. Проиллюстрируйте справедливость Вашего утверждения: «Иными словами стала появляться социологическая история страны». Какие книги, сборники статей по социологической истории России подготовлены ЦИРКОНОм?

Ну, я же говорил, что я не писатель, а сказитель. Шучу. Конечно, для маленькой компании мы выпустили очень много разнообразных текстов. Но большая часть — это отчеты по исследованиям и аналитические обзоры, предназначенные для потребления организациями — заказчиками. Это особый жанр, разительно отличающийся от жанра научной (академической) статьи или монографии. С одной стороны, он проще: не надо доказывать актуальность (она уже доказана самим заказом), не надо предварять результаты страницами ссылок на классиков и вписывать их в «контекст мировой науки», снабжая обширной библиографией. С другой стороны возникает много сложностей, связанных с тем, что материал должен быть воспринят и усвоен представителем совсем не социологического сообщества, а напротив человеком, далеким от него, и для которого надо подобрать адекватную форму и язык изложения. В общем очень много из того, что нами сделано, остается только в электронном виде и размещается на сайте ЦИРКОН в разделе «Публикации»¹². Там сейчас примерно 600 открытых документов и статей. А многое вообще остается в закрытых архивах заказчиков.

Но, конечно, в последнее время мы тоже немного поиграли в модную игру «покажи, каков твой хирш». Разобрали архивы, посмотрели, что из наших работ было опубликовано в журналах и сборниках, постарались зарегистрировать публикации в РИНЦ, разместили на Academia.edu и т.д. Надо сказать, забавное это занятие и, по-моему, на редкость бестолковое. Я уважаю своих академических коллег, но, когда вижу, как многие из них убиваются за свои статьи и их

---

¹² <http://www.zircon.ru/publications/>

индексацию в РИНЦ или паче чаяния в пресловутых Web of Science и Scopus, становится как-то неловко. Какой-то гениальный кукловод когда-то создал в своих интересах эту «машину признания», и теперь тысячи весьма неглупых людей вынуждены для сохранения своего социального статуса заниматься работой, не приносящей никому вокруг никакой пользы и даже не приращивающей никакого нового знания, но лишь добавляющей несколько баллов в «журнале успеваемости», который ведется где-то очень далеко и кем-то очень далеким от нас и нашей действительности. Ну, насчитала мне система ELibrary индекс Хирша = 8 (через пару месяцев, думаю, будет 9), и цитирований больше 400, ну и что? Для моей основной деятельности, как говорится, «не холодно, не жарко».

Являясь сотрудником-совместителем Института социологии РАН (сам работаю в секторе Владимира Петухова, с которым меня связывает многолетняя дружба и множество совместных проектов, а у ЦИРКОН с ИС РАН заключен долгосрочный договор о сотрудничестве) и Московского городского психолого-педагогического университета, я несу определенные обязательства «академического» свойства. То есть я тоже должен участвовать в этой «гонке признания». Но, честно говоря, я гораздо больше горжусь своей работой, если вижу ее результаты в решениях государственных органов или бизнес-корпораций, чем в статьях и сборниках «для своих». И, наоборот, расстраиваюсь, когда наблюдаю, как наши социальные управленцы самоуверенно наступают на грабли, игнорируя результаты многочисленных социологических исследований (наши и/или наших коллег). Именно это имею в виду, когда говорю о недооцененности некоторых работ.

Однако вернусь к вопросу о социологической истории страны. Вообще история какого-то явления возникает тогда, когда появляется возможность работать с артефактами этого явления (причем с первичными), изучать их и заново интерпретировать. Помимо разнообразных многолетних мониторингов, о которых я говорил ранее, в распоряжении современных российских социологов сейчас появляется все больше первичных массивов данных конца 80-х — первой половины 90-х годов. Это бесценный материал, позволяющий противостоять некорректной мифологизации данного периода российской истории, сформировать базу для повторных исследований с целью измерения сдвигов, произошедших за 20—25 лет, заново переосмыслить многие явления тех и нынешних лет. Мы вот открыли у себя на сайте рубрику «Неизвестный ЦИРКОН», в рамках которой начали выкладывать ранее непубликовавшиеся работы 90-х годов. Есть большое желание повторить некоторые исследования того времени, например, проект «Катастрофическое сознание в современном мире», который реализовывался в ИС РАН под руководством Шляпентоха, Шубкина и Ядова в 1996—98 гг., а мы там были соисполнителями (до сих пор горжусь тем, что нашу схему построения выборки тогда положительно оценил сам полумифический «Шляп»). Хочется воспроизвести и более позднее исследование 2005 года «Качество власти». Я знаю, у коллег из ФОМ и ВЦИОМ также лежат в архивах не поднятые кладези данных. Недавно вот вспомнил, что где-то в 1994—1995 гг. у ФОМ было интересное исследование по восприятию российскими гражданами Украины, вот интересно было бы сейчас посмотреть на него.

Вообще открытые архивы данных — главный институт социологической истории, и в этом смысле упомянутый Единый архив социологических и экономических данных, а также Банк социологических данных ИС РАН делают очень большое и нужное дело. Но очень много данных находится в закрытых архивах разных организаций или даже в частном хранении (например, у какого-нибудь политтехнолога, проводившего какие-нибудь фокус-группы перед выборами где-нибудь на Крайнем Севере в лохматом 93-м году). Я как-то предложил Г.Павловскому создать частный архив политической аналитики, в который можно было бы собрать по сусекам эти пропадающие свидетельства эпохи, и мы даже по этому поводу поговорили немного (см. <http://gefter.ru/archive/10788>), но что-то не заладилось...

А что касается книг и статей, то, конечно, хотел бы обратить внимание на три сборника под общим названием «Интеграция в Евразии. Социологическое измерение», которые были выпущены по итогам исследований «Евразийского монитора» 2004–2010 гг. Это уже социологическая история не только России, но и новых государств постсоветского пространства (кстати, в некоторых странах только с появлением «Евразийского монитора» возник национальный мониторинг социального самочувствия). С 2012 года ее продолжили ежегодные доклады «Интеграционного барометра ЕАБР». И надеюсь, эта история не закончится еще долго. 😊

Вы сейчас едко покритиковали «систему признания», как Вы говорите, академических коллег. Но скажите, какие другие показатели кроме публикаций и ссылок на них могут характеризовать профессиональный успех социолога? Что социологи вообще могут оставить после себя кроме текстов и памяти об их авторах? Кстати, как Вы оцениваете Ваши собственные исследования, когда их можно считать успешными, а когда нет? В чем Вы видите успех ЦИРКОН, в чем, напротив, неудачи?

Вообще говоря, в теории ответы на Ваши вопросы просты. Успех — это достижение цели. Нет целей — нет успеха, и нет неудачи. У ученого какая цель? Во-первых, постичь истину, понять реальность, открыть для себя что-то новое, но этот успех, полагаю, адекватно может оценить только сам субъект (самооценка самореализации). Во-вторых, донести свой успех познания до других таких же и получить от них признание этого успеха — символический капитал, и тут вступают в силу законы борьбы и конкуренции, такие же, как и в случае борьбы за любой другой ресурс и капитал. Остаются в памяти не только те, кто что-то открыл, но и те, кто в конкурентной борьбе завоевал право остаться Автором.

У прикладного социолога вообще-то нет цели открыть что-то новое и/или получить ученые степени как свидетельство признания (со стороны «академиков»). Для индустриального производства (а прикладная социология уже давно является индустриальным производством) главным стейкхолдером является клиент, потребитель, а целью — производство потребительской стоимости в виде соответствующих услуг или информационных продуктов. Значит, главным критерием успеха для прикладников является то, что информация, полученная нами в результате исследования, была потребителем усвоена, использована и оценена как качественная и полезная. Я, например, знаю много конкретных решений, принятых в бизнес-компаниях и в органах государственного управления на

основе наших исследований. И это несомненно успех. Выражением такой оценки потребителем во многом (но не во всем!) должна являться высокая рыночная цена нашего продукта, финансовый рост и дальнейшая востребованность исследователя на рынке.

Это так в теории. На самом деле все значительно хуже. Наш интеллектуальный рынок серьезно деформирован туманом и непознаваемостью конкурсов и тендеров, частыми случаями нерыночных отношений Заказчика и Исполнителя, низкой квалификацией, а порой и нарочитым антисциентизмом потребителей (многие из них упорно едят псевдосоциологический фастфуд и знать не желают о существовании «вкусной и здоровой пищи»). Наши социально-политические управленцы часто не умеют и/или не хотят использовать социологическую информацию в своей системе принятия решений. Всегда в таких случаях вспоминаю 2004 год, когда мы с коллегами написали кучу записок «наверх» о неприемлемости той концепции «монетизации льгот», в которой не учитывается символическая значимость для людей статуса льготника (как правило, ветерана), так ведь там наплевали на это, и с упрямством догматиков «экономического империализма» реализовали свое понимание социальных отношений, где все определяется деньгами и экономической эффективностью. Ну, и получили то, что получили. И это характерный пример нашей профессиональной неудачи. К сожалению, не единственный.

В этой ситуации дефицита должной и квалифицированной оценки со стороны потребителя (клиента) хороший прикладной социолог вынужден искать иные системы профессионального признания. Кто-то наращивает символический капитал через СМИ и активную публицистику, кто-то периодически бегаёт в соседнее племя «научных» социологов за тамошними перьями и татуировками (ученые степени и статьи в академических журналах), кто-то начинает активно тусоваться на разных статусных форумах и в среде приближенных и «знатных» советников.

На мой взгляд, нашему профессиональному сообществу надо бы сформировать свои собственные знаки признания и свои критерии успеха. Если у нас нет своего аналога Music Awards (премия за лучшие показатели продаж в мире поп-музыки, то есть признание потребителей), то надо создавать аналог Grammy (премия Академии звукозаписи, то есть признание профсообщества). Вот Ассоциация региональных исследовательских центров «Группа «7/89» с 2004 года ежегодно публикует рейтинг столичных исследовательских компаний на основе их оценки региональными партнерами (как правило, более 100 компаний-оценщиков каждый год). И то, что Группа ЦИРКОН на протяжении последних 7 лет входит в Топ-5 этого рейтинга с точки зрения профессионализма и репутации, я считаю успехом. Кстати, когда наша компания получила главный приз в первом открытом конкурсе лучших исследовательских проектов 2014 года, проводимом той же Ассоциацией «7/89»¹³, мне было очень приятно, и, несмотря на всю условность конкурса, я также оценил это как успех. Думаю, на Грушинской конференции можно было бы ежегодно вручать подобные премии, тем более, что это одно из немногих мест, где встречаются и «академики» и «прикладники», и где профессиональная оценка может проводиться по строгим

---

¹³ Проектом года было признано инициативное исследование ЦИРКОН «Социологический анализ опыта использования современных технологий электронной демократии», См. <http://789.ru/news/13328-kubok-789-winners.html>.

критериям обеих частей большой семьи социологов. В этом смысле с признательностью (хотя и не без самоиронии) вспоминаю неожиданное награждение в 2012 году нас с Валерием Федоровым Серебряной медалью имени Питирима Сорокина «За вклад в науку». Я сильно сомневаюсь в своем вкладе в социологию как науку, но награждение от имени академического сообщества (медаль вручалась М.Горшковым и Г.Осиповым от имени ИС РАН и ИСПИ РАН) двух сугубых прикладников была знаком того, что где-то мы все-таки можем друг друга узнавать и признавать.

Говоря про критерии успеха исследовательской деятельности, задаваемые либо клиентами, либо коллегами, нельзя не вспомнить и о личных критериях самого исследователя, в т.ч. эстетических. Знаете, вот есть исследования красивые и не очень, доставляющие удовольствие от работы, и, напротив, вызывающие желание забыть их поскорее как кошмарный сон. И эту красоту или уродство исследования задает прежде всего Его Величество Метод. Конечно, в прикладной индустриальной социологии исследователь очень часто не волен выбирать и формировать желаемый метод исследования, но если такая возможность есть, то тогда работа может быть сделана красиво – чисто, ярко и с правильностью линий. По крайней мере в восприятии самого исследователя. Вот, честное слово, мне нравится наше инициативное исследование «Экопоселения как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения» 2012 года, где использовался комплекс разных исследовательских процедур, и которое оставило доброе настроение от встречи со многими очень интересными и добрыми людьми. Несмотря на отрицательное отношение к изучаемому предмету мне нравится заказное исследование «Общественное мнение о легализации короткоствольного огнестрельного оружия» 2010 года, выполненное в виде эксперимента в парадигме «обогащения общественного мнения». Или вот два недавних проекта 2014 года, которые вообще очень необычны по методике, и которые делались в формате collaborative open research – «Самоуправление в старообрядческих общинах. Социологические экспедиции» и «Социологический флешмоб «Пять вопросов учителю». Такие проекты доставляют радость от работы и спасают нашу профессиональную жизнь от рутины. И пусть почти ничего из этого потом не остается в академических статьях. Уверен, у всех участников этих проектов – от авторов до респондентов – осталось от них в памяти что-то хорошее.

И, если говорить про методические достижения, конечно, нельзя не вспомнить про две разработанные нами методики – «Методику прогнозирования итогов выборов по опросным данным на основе вероятностной модели электорального поведения» (2004) и «Методику оценки качества прогнозирования итогов выборов» (1995). Ни одна из них не нашла отражения в научных журналах. Но они реально используются, причем уже далеко не только нами, слышал, что по первой из них даже защищаются магистерские диссертации, и не только в России. Так что кое что от нас останется. Пусть и без имени. Как говорят в таких случаях, «ляжем в почву», и то хорошо.

Но, кстати, об именах. Пользуясь случаем, очень хочу назвать хотя бы основных сотрудников ЦИРКОН последних лет, благодаря вкладу которых собственно и стали возможными наши успехи как компании. Это уже давно работающие в группе Людмила Шубина, Елена Халкина, Дарья Мальцева, Наталья Грибунина, Борис Полторацкий. Нельзя не вспомнить также много лет отдав-

ших ЦИРКОНу ранее Людмилу Стрельбицкую, Алексея Комисарова, Елену Колесникову, Виктора Мойсова, Дмитрия Зайцева, Наталью Возжову, Дмитрия Коноваленко. Всем им я очень благодарен.

Вы в своих репликах о деятельности ЦИРКОН называли много исследований, которые явно и существенно отличаются друг от друга и по объекту, и по предмету. Как можно проводить исследования на столь разные темы одному небольшому коллективу? Не несет ли такая разноплановость риски поверхностного, непрофессионального подхода к научно-исследовательской работе? Не получается ли так, что прикладные социологи не являются специалистами ни в чем, бегая от темы к теме?

Конечно, поверхностность, упрощение, конвейерность в любой индустрии присутствует. И для нашей отрасли это исторически обусловлено. К сожалению, у нас только сейчас стали появляться т.н. «нишевые» исследовательские компании, которые специализируются на каком-нибудь одном предметном поле. Пример – Национальное агентство финансовых исследований (НАФИ), основы деятельности которого в свое время формировали именно специалисты в социологии финансового поведения (Ольга Кузина и Диляра Ибрагимова), с которыми мы начинали когда-то свой МФАН. Есть компании, работающие только в сфере медиаисследований, социологии религии, социологии города и т.п. Специализация позволяет сотрудникам набирать достаточную компетентность в определенной тематике (предмете или объекте исследований), формировать многолетние базы данных, отрабатывать технологии работы с определенным объектом и т.п. Так, как это устроено в научной сфере. Но в российской прикладной социологии это стало возможным только последние лет десять. А в 90-х, чтобы выжить, первые частные исследовательские компании вынуждены были браться за всё подряд, невзирая на подготовку персонала и отсутствие опыта. И сейчас в нашей индустрии есть исследовательские фабрики универсального толка, но это уже другие компании, по-другому построенные. Они уже не претендуют на конечные выводы по теме исследования и зачастую ограничиваются только сбором и первичной обработкой данных. А комплексирование информации разной природы и из разных источников, глубокий анализ материала и интерпретация результатов, в т.ч. формулирование выводов, отдается специалистам-предметникам, экспертам, аналитическим центрам. Исследовательские компании концентрируют свою компетентность прежде всего в методах и технологиях (в т.ч. организационных), порой даже только в методах сбора первичных данных. Некоторые наши коллеги формулируют это еще жестче: «мы продаем не исследования, мы продаем исследовательские процедуры». В этом случае становиться специалистами в определенной теме, предмете уже необязательно.

На мой взгляд, такое положение есть свидетельство как раз индустриального характера прикладной социологии, для которого существенно разделение труда и специализация не на предмете или объекте исследования, а на определенном фрагменте его технологического цикла. Так же как это сформировалось в свое время в медицине. Сейчас нет врачей, которые бы и диагностировали болезнь, и прописывали бы лечение, и собственно лечили бы, а ночами еще проводили вскрытие умерших, чтобы открыть причину смерти и внести свой вклад в медицину как науку. Сейчас есть отдельно медицина как диагностика, как

профилактика, как лечение (терапия или хирургия), как наука, в конце концов. Но этими разными делами занимаются разные люди. И социолог-универсал, который может и теоретическую модель явления построить, и методологию исследования разработать, и реально эмпирическое исследование провести, и результат убедительно представить сторонней аудитории (заказчику, спонсору, общественности), и опять же ввести этот результат в научный оборот — это уже большая редкость и по большому счету уходящая натура. Профессионализм и компетентность в прикладной социологии — это, прежде всего, специализация и способность к кооперации с другими специалистами. По-настоящему глубокие социологические исследования сейчас это, как правило, работа сотен, а порой и тысяч людей и очень многих организаций.

Естественно Группа ЦИРКОН как компания, работающая на рынке прикладных исследований, тоже следует указанным правилам. Во-первых, мы не претендуем на разработку теоретических моделей изучаемого социального явления, стараясь заимствовать их из литературы или приглашая специалистов-предметников. Хотя, честно говоря, в некоторых проектах это не удается: то времени нет (заказчик все хочет очень быстро, еще вчера), то денег не хватает, то специалистов по какой-то теме невозможно найти. В этом случае мы вынуждены разрабатывать операциональную модель ad hoc, согласуемую с заказчиком. Во-вторых, мы не претендуем на теоретические обобщения и глубокие интерпретации полученных результатов, отдавая это на откуп экспертам в проблематике или самому заказчику, который порой лучше других понимает, что означают те или иные цифры по итогам социологического измерения, и почему они такие. Но, конечно, мы настаиваем на своем праве выбора метода исследования после того, как поставлена задача, и определены ресурсы. Вот это уже наша компетенция.

Исходя из названных ограничений, мы позволяем себе заходить в разные предметные области, что порой внешне кажется безответственным поведением, вызванным сугубо коммерческим интересом (заказ такой пришел). На самом деле как весьма небольшая компания (research boutique) мы уже давно концентрируемся на нескольких избранных направлениях социологических исследований, часто отказываясь от непрофильного заказа. Первой исторической специализацией ЦИРКОН, на которой у нас в общем и появилось имя — это электоральные исследования, сейчас мы этим занимаемся не часто, но это бывает (по просьбам друзей). Потом у нас был период, когда мы много занимались финансовым поведением населения и медиапотреблением. Наконец, где-то с 2007 года был резкий поворот в сторону изучения гражданского общества и некоммерческого сектора.

Как «социологический бутик» (ЦИРКОН так позиционирует себя с 2000 года) мы всегда были вынуждены искать новые перспективные ниши на исследовательском рынке, пока туда не заходили брендовые «слоны» и не давили нас своей массой и админресурсом. Смею сказать, что в исследованиях электорального и финансового поведения населения мы были пионерами в России. Потом, когда это стало мейнстримом, мы стали искать новые направления. Где-то мы угадывали, где-то не очень.

В 2003 году я подумал, что в ближайшие годы бизнес должен будет по-настоящему заняться персоналом как своим важнейшим ресурсом (см. выступление на Круглом столе в Клубе корпоративной культуры «Ренова»), а, значит, в ближайшее время будут востребованы методики внутрикорпоративных иссле-

дований удовлетворенности, вовлеченности, корпоративной культуры и пр. То есть, я фактически предсказывал возрождение умершей в начале 90-х заводской социологии, имевшей очень серьезные традиции в советский период. В чем-то мы угадали, и у нас были работы по такой тематике и для Газпромнефти, и для РУСАЛа, и для Росатома. Но спрос все-таки был меньше, чем я ожидал, к тому же на этом поле мы проигрываем иностранным компаниям, имеющим огромный опыт и глобальные базы данных для отраслевых сравнений.

В 2009 году мы создали в Московском психолого-педагогическом университете лабораторию по социологии детства. Сначала коллеги надо мной смеялись («это еще что за рынок?»), но потом после Послания Президента Медведева, в котором он заявил о «политике в области детства» как о новом приоритетном направлении государственной политики, несколько изменили отношение. Мы действительно довольно много исследований провели в области школьного образования, хотя именно детство как социальное явление все-таки не стало распространенным предметом исследования.

А вот со сравнительными международными исследованиями на постсоветском пространстве и с исследованиями в области гражданской активности мы вроде попали. Последние 7–8 лет эти направления составляют значимую долю наших работ и финансового оборота. И в этих предметных полях (с указанными выше ограничениями) мы чувствуем себя довольно уверенно и, надеюсь, делаем совсем не поверхностные работы. Хотя, тут тоже уже становится тесно, и крупные игроки появились.

Вообще, по прошествии многих лет все наши виражи в разные предметные области кажутся движением в одном направлении: мы все время изучаем социальные инновации. Было время, когда свободные выборы были инновацией, мы занимались электоральным поведением, потом возникло то, что раньше отсутствовало у советского человека — инвестиционная активность, мы стали изучать ее, и так далее, много разного, включая социальное предпринимательство, инновационные поселения, взаимодействие человека с новыми медиа. Жизнь не оставляет нас без социальных новаций, поэтому с большой вероятностью, в ближайший год мы совершим очередной маневр. У меня на этот счет есть две идеи, но я их сейчас не скажу, даже не спрашивайте.

Последний перерыв. Возвращение к интервью 5 ноября 2015 г.

Хорошо, секреты будущих исследовательских направлений я у Вас выведывать не буду, а напоследок хотел бы спросить совсем про другое. Вот Вы, когда говорили про достижения свои и ЦИРКОН, называли разные проекты, которыми гордитесь, но совсем не рассказывали о такой Вашей ипостаси, в которой, как мне кажется, Вы известны даже больше, чем в своих работах и тем более статьях. Вы же еще организатор разных профессиональных ассоциаций, клубов, конференций. Вы почему про это молчите?

Я комплексую 😊 В нашей российской культуре автор творческих произведений всегда ценится выше организатора «производственного процесса». Вот в свое время барельеф Саввы Морозова висел на стене МХАТ вместе барельефами Станиславского и Немировича-Данченко, но кто сейчас об этом помнит... Конечно, в западных странах великие менеджеры и продюсеры в пантеоне славы

всегда стояли вровень с великими писателями, художниками и актерами. Но у нас не так (исключения вроде Дягилева и Юрока только подтверждают правило). И в среде научных творцов гордиться своими организационными достижениями не принято, порой даже неприлично.

А вот для меня организационное творчество всегда было именно творчеством, сродни научному или художественному. Причем «управление и организация» является творчеством не только в смысле содержания процесса (те же порой мучительные поиски решения, те же озарения и инсайты), но и в смысле эмоциональной окраски. Когда каким-то чудесным образом удается соединить множество разных людей, мотивировать их на одну цель, подобрать для них удобную схему взаимодействия, составить эффективный план, найти и сконцентрировать разные ресурсы для работы и так все закрутить, что в результате появляется рабочая организационная структура, живущая уже своей жизнью (пусть и недолго как временной проект) и производящая что-то ценное для других, то испытываешь необычайную радость, почти счастье, как будто сделал какое-то открытие или написал замечательную музыку (последнее я никогда в жизни не делал, но почему-то полагаю, что чувства те же).

И да, у меня в жизни был ряд удачных организационных проектов (еще больше неудачных), и я рад, что часть из них вполне функционирует до сих пор. У каждого человека, занятого творчеством, есть свои особые увлечения, и у меня тоже они есть: я увлечен организацией некоммерческих общественных (зачастую неформальных) объединений – ассоциаций, партнерств, клубов, т.н. «деятельных сообществ» и т.п. Когда-то во второй половине 80-х занимался созданием клубов «компьютерного всеобуча» и ассоциации «компьютерных организаций» Москвы. А потом уже в цирконовскую пору жизни все организационные проекты были, естественно, связаны с профессиональным социологическим сообществом.

Начало этим проектам было положено с создания, поддержания и распространения Базы данных «Социологические центры и коллективы России». Поначалу мы полагали, что инвестиции в этот проект окупятся за счет продаж Базы как коммерческого продукта. Но быстро поняли всю наивность этого плана и перевели его в сугубо общественную миссию. Уже 15 лет поддержание Базы как средства коммуникации и представления российских исследовательских центров осуществляется за счет средств ЦИРКОН и эпизодических спонсорских взносов коллег, которым мы всегда благодарны. Несмотря на многократные попытки других субъектов повторить продукт, База ЦИРКОН и по сей день является самой полной открытой базой и вместе с порталом Sociologos.ru составляет, пожалуй, единственную информационно-представительскую платформу всей российской прикладной социологии.

Среди удачных организационных проектов, безусловно, следует назвать и создание Ассоциации региональных исследовательских центров (Группа «7/89») ¹⁴. Честно сказать, я очень много отдал этому делу с 2000 по 2008 год. Недавно вот просматривал архивы переписки по этой Ассоциации, так там столько много всего поучительного! Как сделать так, чтобы в клубе, в котором вроде бы не очевиден понятный профит, и который не имеет официального статуса, всем участникам было бы интересно, комфортно и полезно? Как соединить

---

¹⁴ См. www.789.ru

людей с разными профессиональными биографиями, интересами и стилями коммуникаций для плодотворного сотрудничества? Сейчас, когда Группа «7/89» по праву считается одним из самых деятельных и эффективных профессиональных объединений исследователей в России (по моему мнению, так самое деятельное), трудно представить, что судьба ее могла бы быть типичной для судеб десятков подобных инициатив, которые умирали через год-два после торжественных деклараций о сотрудничестве и совместной деятельности. Просто по причине отсутствия личной персональной энергетике двух-трех сумасшедших фанатов ассоциативного дела. К счастью, в Группе «7/89» их оказалось даже больше. Всех назвать трудно, но вклад в становлении Ассоциации, который сделали Роман Могилевский (Санкт-Петербург), Сергей Цыпленков (Калининград), Владимир Звоновский (Самара), Василий Токарев (Волгоград), и в последнее время Анна Благодарова (Саратов) и Сергей Проценко (Ростов-на-Дону), нельзя не отметить.

Успешное создание Группы «7/89» сподвигло на попытку формирования аналогичной профессиональной ассоциации уже на более широком пространстве стран бывшего СССР. Но, к сожалению, Партнерство «Евразийский монитор», поначалу довольно активное в совместных проектах и коммуникациях, в последние пару лет потеряло энергетик. Меня уже не хватает на это дело, а партнеры почему-то стесняются брать инициативу на себя... Я по-прежнему думаю, что «Евразийский монитор» еще не раскрыл всех своих возможностей, и у него впереди новые серьезные достижения, но, уже понятно, что международная профессиональная кооперация – штука гораздо более сложная и тонкая, чем взаимодействие в рамках одной страны. Порой надо быть настоящим дипломатом даже при разработке анкеты очередного межстранового опроса. А этой компетенции нас не обучали.

Не очень удачным оказался и опыт организации Технического комитета по разработке стандартов качества исследований. Необходимость таких стандартов очевидна всем, кто постоянно работает на рынке прикладных социологических исследований, индустриальное производство не может не иметь стандартов качества, признанных профессионалами отрасли. Тему эту даже не хочу обсуждать сейчас, очень уж она болезненная. Кратко скажу только, что инициативу региональных коллег (отмечу здесь большую работу Ольги Рыбаковой, Татьяны Немтиновой, а также Николая Бабича), с которыми мы вместе разрабатывали проблематику стандартизации на протяжении трех лет (2008–2011 гг.)¹⁵, просто убили транснациональные компании, входящие в ОИРОМ. Очевидно, что у них другие интересы, и этот конфликт еще ждет своего разрешения. История в принципе не закончилась, и теперь из-за того, что вовремя не сделали, что надо, ситуацию придется мучительно исправлять (я имею ввиду ситуацию с утвержденным с подачи Минобрнауки и без всякого обсуждения с профсообществом совершенно абсурдистским госстандартом «Надлежащая практика гуманитарных исследований»). Но я этой темой заниматься больше не хочу.

Конечно, можно еще вспомнить и о работе Локк-клуба – это проект 2010–2013 гг., который мы реализовывали вместе Ниной Беляевой и ее кафедрой публичной политики ВШЭ. Что интересно, Нина – известный либерал и западник, я – в большей мере технократ-государственник и скорее почвенник, но

¹⁵ На сайте http://www.sociologos.ru/cennosti_i_standarty/ много публикаций на тему стандартов в прикладной социологии.

в течение почти трех лет нам удавалось интересно сочетать в деятельности Клуба эти два полюса, которые задавали хорошее содержательное напряжение. Тут нам дипломатии хватало. До Крыма, конечно...

А если говорить о более радостных вещах, то, конечно надо сказать об «Открытом мнении». Вот этот в общем-то именно организационный проект подарил по-настоящему счастье совместного бескорыстного сотворчества. По сути это одна из первых в России попыток создания профессионального «деятельного сообщества» (community of practice). «Деятельные сообщества» – новый тип экономических агентов, устроенных как клуб, но ориентированных на производство продукта как предприятие. Чем-то напоминает артели свободных художников и ремесленников. Тема эта меня очень занимает последние годы.

«Открытое мнение» – это независимая группа профессиональных социологов, в основе деятельности которой лежит принцип совместных открытых исследований (collaborative open research – COR). В нашем случае это означает соблюдение трех базовых принципов: 1) инициативность и независимость: исследовательские проекты иницируются и реализуются независимой группой профессиональных социологов и представителей общественности на условиях сетевой кооперации и добровольного сотрудничества специалистов из разных организаций в отсутствие какой-либо формальной иерархической структуры; 2) открытость и прозрачность: проекты реализуются максимально открыто (публично) на всех этапах технологического цикла исследования, а их результаты (включая первичные массивы данных и сопутствующие «параданные») становятся доступными всем желающим для анализа и публикации; 3) самообеспечение и неангажированность: проекты финансируются за счет средств участников и/или полученных в рамках краудфандинга (открытого публичного сбора средств).

За время существования группы «Открытое мнение» ее участниками были реализованы уже 7 полноценных исследований, среди которых я бы отметил прежде всего «Открытое мнение – Россия» (массовый опрос во время электоральной кампании Президента РФ 2012 года, про него много чего написано), 2) «Открытое мнение – Москва-2013» – уникальный экспертный анализ опросной практики четырех ведущих социологических служб (ВЦИОМ, Левада-Центр, Синовеит Комкон, Фонд «Общественное мнение»), проведенных во время электоральной кампании 2013 года, когда была достигнута беспрецедентная договоренность о раскрытии перечисленными организациями исследовательского инструментария и баз данных проведенных опросов; 3) «Социологический флешмоб «Российский учитель: 5 вопросов о жизни и профессии» (публичная опросная процедура в формате «коллективного действия» около 140 социологов-волонтеров в сентябре 2014 года), 4) «Открытое мнение – Калининград-2015» – уникальный репрезентативный опрос избирателей Калининградской области, проведенный по смешанной выборке силами сразу шести исследовательских центров.

По итогам первого эксперимента были опубликованы аж четыре статьи в «Социологическом журнале». В сети Facebook создана группа «Проект «Открытое мнение»» (<http://www.facebook.com/groups/289593911076225/>). По состоянию на ноябрь 2015 года в нее входят уже более 500 участников, причем их число постоянно увеличивается. Работает сайт openopinion.ru. В общем любой желающий может узнать о проекте подробнее и паче чаяния присоединиться

к нашей деятельности. Успех «Открытого мнения» (а я считаю этот проект очень успешным) не мог бы состояться без активного участия в нем нескольких коллег, поверивших в идею СОР и отдающих общему делу часть своего времени. Это прежде всего Иван Климов, Сергей Давыдов, Григорий Добромелов, Мария Мацкевич, Владимир Звоновский.

К ряду «дипломатических» (речь, конечно, идет о внутриотраслевой дипломатии) организационных проектов можно отнести и мое участие в восстановлении нормального функционирования ВЦИОМ после ухода из него команды Юрия Левады. Я вообще тяжело переживаю конфликты внутри профессионального сообщества, даже, когда они меня не касаются напрямую. А тут надо сказать, обе стороны (и государство как собственник тогдашнего ГУП «ВЦИОМ» и трудовой коллектив) наделали много такого, что вообще-то выглядит стыдно и нанесло очевидный вред репутации отрасли. Несмотря на то, что сам я, понятное дело, «частник» и «мелкобуржуазный элемент», я полагаю, что государство имеет право и даже обязано иметь именно государственный исследовательский институт прикладной социологии, функционирующий наравне с частными и общественными (некоммерческими) институтами. Поэтому в течение пары лет 2003–2005 гг. я потратил немало времени на консультационную и кадровую помощь ВЦИОМ, пока он был в тяжелом положении. Сейчас ВЦИОМ вполне успешная компания, стремящаяся повысить качество своей работы, всерьез озабоченная совершенствованием методических и технологических характеристик проводимых опросов. И ЦИРКОН постоянно участвует в различных методологических экспериментах ВЦИОМ, будь то разработка схем репрезентативных всероссийских выборок, постановка регулярных всероссийских телефонных опросов, перевод опросов face-to-face на безбумажные (планшетные) технологии и т.п.. А Валерий Федоров, имевший в 2003 году очень мало оснований для занятия должности директора такой структуры (он об этой моей позиции того времени хорошо знает), стал вполне признанным профессионалом, с которым у меня сложились хорошие и уважительные отношения. Хотя я не приветствую его стремление добавить к исследовательской сути ВЦИОМ политконсалтинговую компоненту, но тут, похоже, политологическое образование Валерия Валерьевича и своеобразие Генерального Заказчика берет верх.

С 2010 года много сил отдаю и работе в Оргкомитете Грушинской конференции. Вот в следующем году будем проводить уже 6-ю конференцию, и каждый раз ее содержательное наполнение (концепция и программа) это тоже интересная организационная задача «со многими переменными». Сейчас Оргкомитет Грушинки – это уже постоянное сообщество заинтересованных людей (то самое community of practice), с которыми зачастую непросто, но почти всегда интересно. Но про это, полагаю, Вы хорошо знаете, как участник программы ряда конференций «Продолжая Грушина». Надеюсь, в ближайшее время встретимся на Оргкомитете.

Спасибо большое за интересное интервью! Желаю дальнейших успехов в Вашем деле.

Спасибо и Вам, Борис Зусманович. Я очень благодарен Вам за предоставленную возможность иногда подумать про себя и свою жизнь. Конечно, разумный и образованный человек обязательно должен периодически останавливаться

и рефлексировать, оценивать сделанное и прожитое, но на практике это же далеко не всегда получается, все бежим, спешим, суетимся... Такие процедуры, как Ваши интервью, заставляют взглянуть на себя как бы со стороны, оценить, что сделал, чего добился, что не получилось. Сделать выводы и обобщения. Причем честно для себя и понятно для стороннего наблюдателя. Ведь очень много интересного было в жизни, рассказывать можно долго, но наверное надо сказать что-то главное, про самое важное и поучительное для других.

Вот я пока размышлял над Вашими вопросами, вдруг осознал себя каким-то Колобком. Ну, действительно, в своей жизни я несколько раз был очень близко к Власти (четыре последних руководителей страны видел на расстоянии вытянутой руки), в какие-то моменты был близок к большим Деньгам (получал приглашения на работу от трех персон, входящих в российский Форбс-50, с двумя так вообще одно время приятельствовал), был лично знаком и много общался с действительно большими Умами (практически со всеми ведущими социологами России последних 25 лет и не только социологами). И что? От всех ушел, как Колобок... Очевидно, что я не воспользовался всеми «окнами возможностей», открывавшимися для меня Провидением. Но с другой стороны, возможно, от чего то уберегся. Хоть и остался как мой дед «ремесленником-одиночкой», но в общем ничего никому не должен. Кроме учителей, конечно, долг которым невозвратен. И уж точно, мне никогда не было скучно. Я без всяких внешних «окон» делал иногда очень решительные и захватывающие виражи в своей деятельности. Сейчас, конечно, возраст уже требует быть поспокойнее, но надеюсь, на пару-тройку поворотов меня еще хватит. Да и жизнь вокруг постоянно задает новые исследовательские задачи. Надеюсь, нам будет, о чем рассказать, и в дальнейшем. Заходите, в нашей мастерской всегда интересно.